

Андрей Дятлов

Сопромат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7278416

Аннотация

Увлекательная и завораживающая попытка осмыслить наше время – эпоху "начала конца", когда разрушаются связи между людьми и приходят в негодность устоявшиеся системы... Москва, наши дни. В городе происходят загадочные крушения зданий. Неизвестность и предчувствие того, что совсем скоро произойдет нечто страшное и невиданное, одолевают разных героев – бывшего архитектора, которому нужно срочно найти большую сумму денег, чтобы спасти семью; следователя из "конторы", который хочет докопаться до истинных причин крушений; олигарха, охваченного желанием устроить под конец жизни настоящий хаос... Вам тоже тревожно на душе? Тогда этот роман для вас.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
I	6
II	8
III	10
IV	13
V	17
VI	20
VII	23
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	26
I	26
II	29
III	30
IV	32
V	34
VI	36
VII	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Дятлов

Сопромат

Роман

Я уже несколько дней, недель, а может быть, и лет нахожусь в этой квадратной белой комнате. Здесь нет ничего лишнего. Узкая, длинная кровать – не жесткая и не слишком мягкая. Утром – или в то в время, когда я просыпаюсь – я чувствую, что хорошо выпался. Напротив кровати в самом углу стоит маленький белый стол со стопкой бумаг и разноцветными карандашами в черном пластиковом стаканчике.

В стене между кроватью и столом, очень высоко – я еле дотягиваюсь до проема средним пальцем – небольшое квадратное окно. Оттуда всегда льется мягкий белый свет. Если встать на стол и заглянуть в окно, там не будет ничего, кроме этого света. Если смотреть на свет слишком долго, он распадается на размытую радугу.

Справа от двери – унитаз кремового цвета, а слева – керамический поддон, над которым нависает прозрачная шторка и перевернутая воронка души. Моюсь я раз в семь дней, вернее, после того, как на специальном листке появляется очередной забор из семи кривых палочек, которые фиксируют моменты моего пробуждения. А сплю я часто, может быть, через каждые четыре часа. Когда листок заполняется, он исчезает, и я начинаю рисовать новый календарь.

Я вывожу узоры на бумаге, рука сама ведет карандаш, и я никогда не знаю, к чему приведет движение руки. Обычно, все начинается с какой-нибудь простой геометрической фигуры – круга, квадрата или трапеции. Постепенно вокруг нее появляются параллельные линии, они множатся как нефтяные разводы, и, в конце концов, получается новая обтекаемая фигура, у которой нет названия. Она ни на что не похожа – где-то рука дрогнула, и в разводах образовалась впадина, где-то слегка отклонилась, и выросла шишка. Названия я придумываю сам. Я даю волю языку. Как в детстве он пытается обжиться во рту, найти удобное положение и выдать звуки, наиболее подходящие конкретной фигуре. Поктел, миклауст, заглин, виртол, – вот то, что я запомнил из тех тысяч названий, которые пришлось дать разным фигурам.

Когда мне надоедает рисовать фигуры, я начинаю чертить план будущего дома. Сначала это небольшие, метра три на четыре, хижинки, напоминающие это белое жилище, в котором я оказался. Потом пространство удлиняется и расширяется. Появляются дополнительные ваннные комнаты, спальни, кабинеты, кладовки, этажи и хозяйственные постройки. Особенно мне нравится рисовать фасады по окончании планировки. Внутреннее устройство дома диктует пропорции внешнего вида. В стенах могут выдаваться наружу эркеры, балкончики, лоджии и веранды, или стены могут оставаться ровными, образуя нагромождения и взаимопроникновения кубов, создающих строгие сочетания углов и ниш. Иногда хочется внедриться глубоко в землю, и тогда на поверхности как верхушка айсберга остается только один этаж, а под землей выстраивается сеть жилых комнат, хозяйственных и продуктовых складов. Жизнь под землей предполагает жизнь автономную. Кстати, и первый этаж такого дома я маскирую под одинокий холм, стоящий на опушке леса.

После планировки дома я могу полежать на кровати или поесть. Еда появляется через квадратное окошко в тяжелой железной двери. Дверца распахивается, и в окошке появляется плоский металлический язык, на который ставится поднос с едой. Как только я забираю поднос, дверца тут же захлопывается. После одной попытки заглянуть в окошко, когда язык чуть не прищемил мне нос, я уже и не думаю проявлять любопытство.

Поднос разделен на пять небольших отсеков, в которых находится еда – овсяная или манная каша, клубничные джем или мед, сливочное масло, хлеб, апельсин, картофельный

суп или окрошка или борщ, свиная отбивная, куриная ножка, фасоль, картофельное пюре или картофель-фри, салат оливье или мясной или квашеная капуста. Из напитков – бутылочка воды, зеленый чай или апельсиновый сок.

Я не знаю, как здесь оказался и что это за место. Может быть, это тюрьма или психиатрическая клиника.

Я не помню своего имени. Просыпаясь, я даю себе новое имя, пытаюсь с ним жить до следующего сна и примерить его на себя как костюм. Есть же память рук, значит, и мозг должен принять то имя, которое я носил раньше. Я перебрал много имен – с самого начала алфавита и до буквы К, но пока ни одно не подошло.

Я долго не видел своего отражения. У меня выросла небольшая козлиная бородка, на щеках борода не растет. Однажды я наступил на сливное отверстие в душевом поддоне, и когда все дно заполнила вода, я смог увидеть в воде свое лицо. Оно мне не понравилось, показалось чужим. Но с тех пор я знаю, что в комнате есть я, и мой сосед, у которого незнакомое и неприятное лицо.

Если я здесь оказался, и я живой, значит было за что меня заточить в этой комнате. Может быть, я совершил что-то страшное, или просто в какой-то момент сошел с ума. Все может быть, ведь я ничего не помню. От такого ощущения и тяжело и легко одновременно. Тяжело, потому что мне будет очень больно от того, что я кому-то причинил неприятности. А легко, потому что я живу здесь и сейчас. Мой мозг свободен, я пытаюсь примерить на себя не только имена, но и разные походки, жесты, характер, насколько вообще можно примерить характер при полном отсутствии людей. Я не знаю, каким я был – добрым или злым, отзывчивым или закрытым, веселым или грустным, нравился ли я женщинам или они обходили меня стороной. Судя по тому, что у меня хорошо получается рисовать дома, наверное, я был дизайнером, а может быть, архитектором или строителем.

Я не знаю, хорошо ли мне или плохо.

Я просто живу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

У каждого действия есть последствия. Когда открылась тяжелая стальная дверь, длинная полоса света выстрелила до противоположной стены этого неизвестного пространства темноты, из которого доносился запах пороха и машинного масла.

– Ну, вашу мать, братцы, свет-то дайте уже! – громко сказал Даренко, и эхо из комнаты как-то даже подобострастно поддержало его властные обертона.

На потолке торопливо замигали большие светильники, накрыв светом широкий стол с выложенными на нем пистолетами и толстобокую подзорную трубу. В самом конце бетонного пенала смиренно стояли плоские фигуры людей с мишенями на груди.

Умрихин уже слышал о закидонах Даренко – о них все утро бубнил Маркин: он по большому счету, псих, Умрихин, следи за словами и за движениями, недавно он покалечил своего топа, просто взял и кинул в него тяжеленную пепельницу, и знаешь, что самое интересное, этот чудила потом с такой любовью об этом рассказывал направо и налево, с таким, знаешь, восхищением... по ходу, нормально так приложил, все мозги вышибло. Или вот еще случай был, нервно похохатывая рассказывал Маркин, один подрядчик профавлил все сроки, так он не только этого подрядчика разорил, а еще и заставил его пройти по Тверской с табличкой на шее: просрал сроки – просрал жизнь.

Умрихин слышал в его голосе легкую дрожь – потому что сегодня удар нужно было держать Маркину, а Умрихину и Ване, самому молодому из их троицы, отводилась роль серых ассистентов, задача которых под эти самые удары не подставляться.

– Ну что, братцы-кролики, готовы? – сказал Даренко, по-охотничьи вглядываясь вдаль, обращаясь то ли к безмолвным фигурам с мишенями на груди, то ли к своим гостям.

Маркин вздрогнул и, виновато скривив губы, посмотрел на Умрихина и Ваню.

Даренко снял пиджак и кинул его в двух бугаев, которые уже заняли свои позиции в углу, готовые отразить малейшие подозрительные движения трех незнакомцев.

– В общем так, – сказал Даренко, закатывая рукава, – это, как говорится, вам не тут! Тут все по-настоящему. вальтер, узи, чезет, глок... короче, выбор большой.

Даренко походил на повара, выбирающего томаты, огурцы и баклажаны для салата. Он схватил пистолет, с бронзовым отливом и длинным дулом, любовно погладил ствол, но тут же аккуратно положил на место. Поднял небольшой черный пистолет, который казался еще меньше в его широких лапах.

– Ну, чего встали, – сказал Даренко, – налетай!

Маркин осторожно подошел к столу и, подражая Даренко, стал внимательно осматривать пистолеты. Ваня, покусывая губы, схватил первый подвернувшийся пистолет с квадратным дулом, а Умрихин взял револьвер.

Пальцы его как будто вспомнили старое, умело обхватили рукоятку, а указательный палец удобно лег на спусковой крючок. Умрихин усмехнулся – он, ни разу не державший в руках настоящего оружия, откуда-то знал, как обращаться с этой штукой. Большим пальцем он с усилием отогнул боек и, не прицеливаясь, выстрелил в фигуру человека.

От первого выстрела Маркин и Ваня вдруг как будто проснулись и принялись остервенело палить, еле сдерживая отдачу.

Тир заполнился сизоватым дымом. Умрихин оглох от слившихся в сплошной гул выстрелов, которые отдавал звоном в голове, но палец, уловивший ритм выстрела-отдачи, работал четко. Когда все отстрелялись, до Умрихина долетел возбужденный голос Даренко:

– А? Ну как? Прочухали правду жизни? Это вам не в офисах заседать пыль глотать... А стреляете хреново.

– Извините, что? – орал Маркин.

Даренко рассмеялся и посмотрел в подозрную трубу.

– Стреляете, говорю, как курица лапой! У архитектора главное что? Светлая голова и рука крепкая. А у вас что?

– Умеете вы, Сергей Николаич, разрядить обстановку – сказал Маркин.

– Ахаха, пошутил-пошутил... – прогремел Даренко, и серьезно добавил: – А знаете что? Вот если лажу мне сегодня покажете, туда вас поставим. Всех троих. А? Как вам?

Даренко указал своим толстым пальцем на все таких же безмолвных, но порядком изрешеченных манекенов. Маркин слабо улыбнулся, пытаясь уловить насмешливую поддержку Даренко, но тот, казалось, и не думал шутить. Маркин взглянул на Умрихина и на Ваню, набрал в грудь побольше воздуха и выдохнул тяжело – что делать, придется постараться.

Даренко вдруг расхохотался, хлопая от удовольствия по столу.

– Ну что, испугался что ли? Ты в девяностые под стол ходил или в тапки? Да уж, вот постареем мы, что ж вы без нас делать будете? А? Малахольные вы мои? Так, давайте еще по обойме, и за дело.

Легко сказать – по обойме!

Умрихин увидел на столе цилиндр с шестью патронами, плотно сидевшими в своих гнездах. Покрутил в пальцах, откинул барабан револьвера и, повинаясь логике конструкции, принововил цилиндр к сквозным отверстиям. Нажал легонько, и патроны заполнили барабан.

Когда раздались новые выстрелы справа и слева, Умрихин почувствовал, как завибрировал телефон в левом внутреннем кармане пиджака. Умрихин отошел в дальний угол.

Это короткое соединение он будет потом часто вспоминать, представлять, о чем думала Ольга в эти секунды и что хотела сказать. В ответ она наверняка не расслышала привычное – да, потому что очередь выстрелов заглушала голос Умрихина. Он несколько раз сказал – алло, Оль, ты меня слышишь, слышишь меня, Ольга. Но Ольга молчала. Или он тоже не мог расслышать ее голос? А может быть, она сразу скинула вызов. Умрихин стоял около минуты, зажав ладонью левое ухо, и старался прислушаться. Он посмотрел на экран телефона – соединение завершено. А может быть, и не было никакого звонка, бывает же такое, и вибрация была вовсе не от телефона, а от сердца, а когда он доставал трубку, то случайно нажал вызов имени «Оля».

В тот день Умрихин и не думал так глубоко копаться в обычном звонке. Он вернулся к столу, и отстрелявшийся Маркин вопросительно дернул головой – все нормально? Умрихин кивнул и всадил все шесть пуль в фанерного истукана.

II

Крутой изгиб реки вырезал полуостров в виде запятой. На берегах располагались коттеджи, ближе к центру уже стояли многоэтажные современные здания, образуя кривые улочки, напоминавшие старую Европу с блеклых пожелтевших открыток, залежавшихся в букинистической лавке. Все эти лютиковые красные крыши и башенки барельефы и часы, кованые заборчики и виньеточные фонари должны были создавать уют новым хозяевам жизни. Для них же был предусмотрен бизнес-парк с кубообразными постройками, одобренными стеклом и блестящим металлом; просторное поле для гольфа, яхт-клуб, и три причала с примостившимися к ним ресторанами и летними кафе. На границе жилой застройки и бизнес-парка, там, где хвост запятой переходил в голову – почти идеальный круг, на самом берегу возвышался парусник из стекла и бетона.

З—здесь должны были жить самые отборные, здоровые, активные человеческие существа, стоившие чуть ли не половину богатств огромного пространства на севере земного шара. Каждый из них жаждал личной свободы и, казалось, добивался ее. Бизнес-класс в самолете, где люди сидели на порядочном расстоянии друг от друга; частный самолет, где соседей не было вовсе; яхта, замок, отдельный пляж – все дальше и дальше от людей, любопытных глаз и все ближе к идеалу, который вдруг оборачивался стремлением к простому одиночеству.

Даренко знал точно, к чему реально стремились эти будущие новоселы. Внешнее расширение пространства необратимо схлопывалось до физических трех аршинов. Город этот должен был стать по существу отдельным автономным государством, которое, чем черт не шутит, может и отделиться, стать независимым и подарить избранным жителям иллюзию полной свободы. В хвосте запятой располагались коттеджи, спроектированные по индивидуальным проектам приглашенных архитекторов. В голове запятой – жилые высотки с апартаментами, полное обслуживание в них должно было создавать ощущение гостиничного номера класса люкс и вечного путешествия по миру.

Границы сужались, и город превращался в закрытый заповедник редких животных.

Умрихину здесь нравилось. Маркин выдел свой офис в паруснике, и даже Ваня, презиравший понты, с любовью выстроил для себя домик возле реки, расположил во дворе модель своего любимого велосипеда, два шезлонга и девушку в бикини. В этот раз Ваня был в ударе и соорудил макет всего города – два на три метра – за девяносто дней.

На весь проект у архитектурного бюро Маркина ушло девять месяцев. Они сидели по ночам и выходным в старом офисном здании на окраине города, отказываясь от реальных заказов ради тендера, в который мало кто из архитекторов верил – ходили слухи, что в конкурентах лондонские студии и бюро, да к тому же угодить Даренко казалось делом безнадежным.

На презентации, впервые за несколько месяцев, Умрихин испытал легкость, как будто только что весь этот город сполз с его плеч и зажил своей жизнью. Стрельба в тире хорошенько встряхнула мозг, и пока Маркин суется возле плазмы, на которой сменяли друг друга тридцать модели зданий, он разглядывал макет, представляя в каждом доме тихую спокойную жизнь счастливых людей. В одном из них жила Ольга и маленькая Саша, Александра, Александра Андреева Умрихина. Теперь можно было и пометчать. К тому же Маркин, кинувший все бюро на эту Даренковскую амбразуру, не раз во время их ночных посиделок за архикадом вдруг вскакивал с места, и, сжимая кулаки, говорил – мы выиграем этот долбаный тендер, мы обязательно выиграем, мы всех порвем, мы будем героями с баблом.

Умрихин очнулся с лазерной указкой в руке возле модели многоэтажного офисного здания – высокого паруса, рвущегося пересечь тонкую синюю ленточку реки. Почти всю свою часть презентации он отговорил на автомате, как и раньше в бюро, во время обязательных репетиций.

Умрихин запнулся. Он обвел взглядом всех, сидящих за столом. Даренко словно спал с открытыми глазами, сурово смотрел перед собой в одну точку. Четверо Даренковских топа покачивали головами, разглядывая парусник. Ваня, покусывая губы, кидал быстрые испуганные взгляды то на Умрихина, то на Маркина, заметившего в лице Умрихина недобрую тень и кричавшего глазами – давай-давай.

Оставалась самая главная фишка презентации.

Умрихин превратился в того маленького мальчика, которого выпустили на сцену читать стихотворение в прозе. Он не хотел читать это ненавистное стихотворение, комок в горле не давал ему сказать ни слова и он задыхался. И сейчас он вдруг осознал, что проект этот не только высосал всю энергию, но и вызвал тяжелую архитектурную интоксикацию – все эти месяцы он только и делал, что беспробудно впахивал, не замечая ничего вокруг, каждый день настраивался на победу, и стоило впервые за год вздохнуть с облегчением и *помечтать* о будущем, как весь боевой дух сдулся шариком. Ему стало противно здесь находиться и в который раз произносить отрепетированную заготовку.

– ...в центре же расположена деловая и развлекательная часть комплекса. Концепция центрального здания основана на...

Умрихин посмотрел на свои дрожащие руки.

– ...здание напоминает парусный корабль. Что создает... Это придает легкость всему пространству... Парящий корабль. Это настоящее сердце всего комплекса.

Он наклонился и протянул руку к макету здания-парусника, чтобы приподнять его, но пальцы с силой обхватили тонкий пенопласт, и здание с хрустом развалилось на крупные куски. Под ними лежало атласное сердце.

III

– Ааааа, мы сделали их! Бля, бля, бля, мы их порвали, вот взяли так и – в ключья! Андрюха, вставай уже, хрюндель ты недоделанный!

Умрихин приоткрыл левый глаз. Музыка мигом влилась в уши.

Он хорошо устроился – на диване, приложившись затылком к кирпичной стене. Сколько проспал – не понимал, но Маркин, уже подшофе изрядно, все еще плевался радостью.

Умрихин сонно осмотрелся вокруг. На танцполе дергались несколько пар, а на помосте устало выделялась девка в полупрозрачной накидке. Пиджаки были свалены в кучу тут же на диванчике, а между ними и Умрихиным сидела незнакомая девушка. Ваня вращал глазами и держал на вытянутых руках рюмки с текилой, пытаясь всучить их друзьям.

Маркин сидел напротив, на стуле с высокой спинкой, как на троне, все не унимался и твердил девушке:

– У меня аж сердце, знаешь, думал, задохнусь, когда он этот парусник – р-рраз! – Маркин попытался сжать ладонь, но Ваня ловко вложил в нее рюмку. – Ага, за победу, бля!

– А герою дня? – заметила девушка.

Ваня поднес рюмку к носу Умрихина, который пытался врубиться в окружающее, но тот лишь отмахнулся.

– Ты представляешь, мы целый год, целый г-о-о-о-од над ним сидели, на городом этим. Мы, в нем жили с утра до ночи.

– Не год, а девять месяцев и двенадцать дней, – отчеканил Ваня.

– Если бы проеее..., пардон, ...играли, то... – Маркин икнул и шально посмотрел на стол, как будто хотел смахнуть эти рюмки и тарелки к чертовой матери. – То все, мы банкроты, нет, реально, му-да-ки!

– Да ладно, вы ж архитекторы, нашли бы работу, – подначивала девушка Маркина, напустившего на себя мировую скорбь.

– Ты не понимаешь... Если бы не он, – Маркин тяжело кивнул в сторону Умрихина. – Я когда базарил там, ну, на презентации, думаю, ну все... Я себе так и сказал, все – мы в жопе. Это еще до того, как этот хрюндель номер выкинул. Сидел и думал, ешкин кот, какого хрена мы сюда приперлись, какого ввязались во всю эту шарашку.

Маркин вскинул головой влево и внимательно посмотрел на Ваню.

– Говно у нас проект. Да, Ваня, да. И макет твой говно... Но я такую вещь скажу, – Маркин хмуро, исподлобья взглянул на улыбавшегося Умрихина. – Все в этом мире от случайностей зависит. Да, Андрюх? От стечения, мать их, обстоятельств. Если б Ванька это сердце не придумал... Вот спрашивается, что за чушь, какое, нахрен, сердце. И если б этот засраснец не порушил все... Даренко не дослушал даже, контракт – хоба так!

Маркин взмахнул рукой, как будто хотел расписаться, но заметив рюмку в руке, опрокинул в рот текилу.

– Ууу, а герой-то ваш уже хорош! – насмешливо сказала девушка, озорно поглядывая на Умрихина.

Умрихин попытался сфокусировать взгляд на соседке, и фокус удался. Она смотрела на него, весело разглядывая его лицо, и он подумал, что она очень даже ничего. Ему вдруг показалось, что тусклые лампы на потолке стали светить ярче. Умрихин расплылся в пьяной улыбке.

– Так, всем плясать! – встряхнулся Маркин, запихнул в рот дольку лайма и вскочил со стула. – Все за мной, кто последний, тот Киркоров.

Ваня медленно встал и, размявшись, мягкой походкой выдвинулся за Маркиным.

Умрихин не мог оторваться от этой игры глазами, ему уже хотелось по-пьяному нагло и без лишних слов сдвинуть ее полную грудь и приложиться к шее, ткнуться носом в мягкие волосы, забранные вверх. Он видел, что она, конечно, считала все его нехитрые мысли, но сделать это сейчас – значит снова пропасть в темноте, в которой он уже просидел час или два.

– С чего вы взяли, что я того? – спросил Умрихин, собравшись с остатками резкости в голове, стараясь говорить четко и уверенно.

Она плеснула смехом и отпила розово-желтую жидкость из бокала.

– Хотите докажу, что я еще вполне адекватен?

– Думаешь, стоит? – серьезно спросила она.

– А чего это мы все на ты, да на ты... Давайте перейдем на вы!

– Ммм, так необычно. Это и есть ваше доказательство? – сказала она.

– Какие ваши доказательства, – промямлил он эхом.

Он порол еще какую-то чушь, рассказывал о своей работе, выпендривался, расспрашивая о ее предпочтениях в архитектуре и живописи, заодно вспоминая интересные сведения об известных картинах – вы знаете, в чем секрет улыбки Джоконды? А я вам скажу, она просто беременна, это улыбка будущей матери, – в общем, старался быть интересным.

Умрихин понимал, что он проигрывает. Странно, она оказалась не такой простой для случайной соседки, решившей провести время за счет трех пьяных и довольных мужиков – тот простой и глупый сценарий, по которому Умрихин мог предвидеть реакцию, улыбки, наигранные ответы, разваливался на глазах. Он ощущал себя мячиком на резинке, который она умело отбрасывала и ловила, мягко навязывая свой ритм – прыг-скок, прыг-скок. В ее больших – черных? карих? – глазах не было в них ни желания нудно флиртовать или старания понравиться, ни той напускной усталости, за которой прячутся женщины, знающие цену общения с незнакомцами. Глаза ее просто смеялись.

Он отхлестал себя по щекам:

– Уфф. Шутки в сторону. Хочешь, я разнесу этот кабак?

– Вы же архитектор. Откуда такая тяга к разрушению?

– Чтобы построить, нужно ж сначала научиться ломать. Вот смотри. Это несущая балка. Она опирается вот на эти четыре колонны. Несущая стены здесь и здесь, там, похоже, гипсокартон, или вроде того. Нам не поможет никак. У нас очень мало тротила, так, кусочка три не больше. Делаем дырку и владываем один вот на эту колонну, отмеряем примерно метр шестьдесят. Второй кусок на несущую стены, воон, где портрет Моррисона, прямо на уровне его уха. Остался третий... Куда же его лучше... Есть! Его мы вложим воон туда, ближе к потолку, прямо под кондиционер. Что мы имеем – критический треугольник. Три самых слабых места. Контакт...

И вот уже трещина идет от колонны, поднимается к потолку. На пути – никаких преград. Второй разлом змей ползет на потолок, к полу и третьей точке. Стены разрываются пополам, раздробленные куски штукатурки и спаянные в причудливые угловатые фигуры красные кирпичи медленно, с шумом летят вниз. А там, внизу уже ничего нет, только сплошная темнота, которую изредка взрывают падающие неоновые светильники и вывески. Они вдвоем, сцепившись вместе, пытаются увернуться от грузных осколков. Закрывая друг друга телами, они перекатываются, как будто хотят обмануть траекторию полета тяжелых ухающих плит; прячутся друг в друга, разучившиеся в одно мгновение говорить, с животным ужасом умоляют – не отпускай, не отпускай, не отпускай. Они совсем одни, единственные, кто оставался в живых и у кого остались считанные секунды, растянувшиеся до бесконечности, такие же ощутимые и тяжелые, как и эти камни вокруг... Ничего нет, все исчезло, кроме страха и понимания, что они тоже распались на мелкие осколки.

Он сидел на краю постели и смотрел в окно. Солнце еще не взошло, но фиолетовые облака уже подсвечивались бледным светом. В комнате было темно, за его спиной белело бесформенное одеяло, под которым проступали черты женского тела.

– Курить здесь можно? – спросил он.

– Нет, – сказала она спокойно.

Умрихин покачал головой и сказал уверенно:

– Тебя зовут Елена.

– Нет.

– Тогда Ирина.

– Нет.

– Значит, Вера.

– Оля, – сказала она.

– Оля, – шепотом произнес Умрихин. – мою жену Ольгой зовут.

– Я знаю, – сказала она. – ты в машине говорил.

– А чем по жизни занимаешься?

– Романы пишу.

– О чем пишешь?

– Иди уже, а? – сказала она просто, и он *услышал* ее улыбку.

IV

Когда он вышел из такси, было уже светло.

Это был новый район со свежестроенными домами, расставленными в шахматном порядке, и с окружавшими их бурыми островами полянок, на которых по весне должны были взойти первые ростки зеленой травы. Сейчас же на земле валялись осколки кирпичей, шершавые доски, куски толстой скрюченной проволоки, уже поржавевшие прутья арматурин и гнутые ведра, покрытые коркой голубоватого цемента.

В колючем и прозрачном сентябрьском воздухе эти дома казались совсем пустыми, о людях напоминали только машины, похожие на брошенных нелепых зверей, которые заснули от холода.

Умрихин подошел к большой красной машине с шильдиком Volvo XC90 на багажнике. Она так и не стала для него родной. Умрихина всегда раздражала ее идеальность, ее хвастливая мощь, порывавшаяся раздавить легковушки за медлительность на светофорах и в пробках, а ее совершенный, самодовольный и хитрый вид как будто всегда таил подлую усмешку над его призрачным благополучием.

Он взял осколок кирпича и стал со скрежетом выводить на глянцевой дверце буквы – К О.

– Э, ты че делаешь? Пшел отсюда... – послышался за спиной знакомый голос и собачий рык.

Умрихин с улыбкой глянул через плечо и увидел Гуся, толстопузого мужика в камуфляже, его соседа, который едва сдерживал на поводке черную немецкую овчарку. Гусь узнал его и с раздражением притянул к себе псину.

– Пальма, фу! – сказал он, но собака услышала фальшь в голосе хозяина и стала еще сильнее рваться к Умрихину, царапая лапами шершавый асфальт.

С Гусем не сложилось сразу, как только они заселились в новую квартиру. В первый же день их случайной соседской встречи на лестничной площадке Пальма испугала Сашу диким рычанием, и Умрихин пообещал пристрелить собаку, если такое еще раз повторится.

Умрихин дописал недостающие буквы и оценивающе посмотрел на дверцу. Корявые прыгающие буквы складывались в слово «КОЗЕЛ».

Ольга молчала и не отходила от широкой столешницы, находя себе мелкие дела – мыла посуду, крошила картошку, ставила чайник и перебирала пакетики с крупой.

Саша, как всегда чувствуя напряжение между родителями, болтала ногами, выковыривала из овсяной каши изюм, а когда Ольга кидала из-за плеча – ешь уже, она, наконец-то дождавшись этого окрика, начинала притворно смеяться.

Ничего особенного не произошло. Умрихин сидел за столом напротив Саши и ел яичницу. У него гудела голова, но того ощущение липкого, иссушающего стыда, которое он испытывал раньше после каждой невинной попойки, уже не было. То, что было ночью, произошло как будто давно и вообще не имело к нему отношения. Даже если бы Ольга уличила его, он бы запросто убедил ее, что она не права – ни голос, ни взгляд не подвели бы его. Сейчас его больше, не волновало даже, а слегка озадачивало то, что он не мог представить, что Ольга добивается от него правды.

Хотя и раньше Ольга не отличалась ревностью. Он когда-то имел шансы провести ночь в чужой постели, но всякий раз пьяный флирт заканчивался только протяжным поцелуем. И протрезвев позднее, он с улыбкой представлял, чем бы это могло закончиться, не притормози он себя, и что бы почувствовала Ольга, увидев его после этого. Она не сильно интересовалась, с кем и как он пьянствовал, да и как будто стеснялась этого, чтобы не

переступить черту того, что ей знать не обязательно. А может быть, Умрихин имел такой самодовольный вид, что ей и так становилось ясно – ничего страшного не случилось. Сейчас он видел, как вздрагивает ее спина от ударов кухонным топориком по замороженному мясу, и понимал, что раздражение ее не связано с тем, что она почувствовала что-то новое, она была раздражена *как обычно*.

Еще год назад они сидели на маленькой, два на три, кухне их старой однушки и обсуждали развод Маркина, не веря в дурацкую версию про кризис семи лет. Умрихин рассказывал об этом, как о новостях из другой жизни. Маркин в пьяном угаре рассказал Умрихину, что в последние дни перед разводом он хотел стрелять в свою Леночку после каждого ее слова. Ты когда придешь? – выстрел. Тебе готовить сегодня? – выстрел. Привет – выстрел. Я тебя ненавижу – выстрел и контрольный в голову. И Ольга, и Умрихин, не сговариваясь, находили причину – все дело в том, что у них не было детей – и Ольга с нежностью посматривала в темноту большой комнаты, где давным-давно спала Саша. Они и сами подходили к семилетию их свадьбы, но Умрихин отшучивался, что перед тем, как пожениться, они прожили вместе два года, так что рубеж этот они прошли незаметно и без потерь.

Потом он часто будет отматывать пленку воспоминаний обратно, искать те мины, заложенные в критических точках и ждавших своего часа.

Может быть все началось с того момента, когда Маркин решил организовать свое архитектурное бюро и первым делом позвал Умрихина, заседавшего в большой конторе – наследнице советского раздолбайского спрута, который разрабатывал типовые проекты для городов от запада до востока. Дело пошло, и почти сразу зарплата Умрихина подскочила в три раза. Маркин настоял, чтобы он купил машину – старик, клиенты сейчас пошли мнительные, повернуты на успехе, если ты будешь ездить на такси, они будут бежать от нас как от чумных, так что гони позитив, и часики выбери поприличнее.

Постепенно Умрихин обрастал дорогими вещами, которые он скидывал каждый вечер, как тяжелые доспехи: костюм из тонкого сукна, который ложился на его фигуру как влитой, серебряные запонки, раздражавшие остроносые туфли из какой-то южноамериканской кожи, массивный хронограф с витиеватым гербом на циферблате, последний айфон и бумажник, заполненный разноцветными прямоугольными кусками пластика. Эти вещи, как будто полностью заполняли их единственную на троих комнату, требуя своего приличного места и расширения пространства.

Первые тягучие, с ощущением полной безысходности ссоры начались из-за квартиры. Умрихин, понимая, что с каждым днем взросления Саши стены все быстрее сходятся друг к другу, еще сильнее держался за эти стены. Он чувствовал себя водителем той самой его новой вольво, у которой вдруг накрылась вся ее хваленая электроника, и теперь она несла его на огромной скорости по своему прихотливому пути. Ему хотелось притормозить и хотя бы немного отдышаться. Ольга предлагала взять ипотеку, наконец-то начать жить, а он усмехался и говорил – Ольга, о чем ты говоришь, ипотека и жизнь не совместимы, надо подождать, пока все устаканится, я знаю Марку, это сейчас он в эйфории, ему кажется, что он весь мир может поставить раком, еще взялся за этот город для олигархов, но все может закончиться вот так вот – и он звучно щелкал костяшками пальцев. Значит, наша жизнь зависит от Маркина, – заключала Ольга, и Умрихина начинало трясти от бешенства.

Слишком много рефлекслируешь, – говорил Маркин, – слышал, что умные люди по телевизору говорят? Бери от жизни все, живи большими глотками, не тормози, а от себя добавлю – бери, пока дают, мысли, блять, позитивно! Умрихин хватался за салфетку и начинал чертить их странную судьбу – вот восьмидесятый-восемьдесят первый, когда они родились, прошла Олимпиада, ему даже казалось, что он помнил одинокого атлета, бегущего с факелом в руках по ночной улице его родного, потерянного в центре страны поселка. Вот восемьдесят седьмой – перестройка в самом разгаре, он отчетливо помнил, как домой при-

ходит злой и помятый отец, которому в очереди досталась всего одна бутылка водки для дня рождения первоклассника Умрихина. В девяностом первом они стали последними пионерами, и после усталой торжественной линейки все из его класса, кроме Умрихина, распихали по карманам красные треугольные тряпки, а через три месяца сдался и он, перестав носить галстук. А дальше – девяносто третий, в котором они почувствовали первые, выносящие мозг удары безумного желания трахаться. В девяносто шестом – неумелые попытки сложить из подручного материала в виде прыщавых одноклассниц первую любовь. В девяносто восьмом, когда все рухнуло, они, голодные, обедались первой свободой вдалеке от родных домов. В третьем году, когда все стало более-менее ясно, что происходит вокруг, они вышли готовыми архитекторами и рассосались по архитектурным шарашкам, получая нормальные зарплаты и представляя безоблачное будущее на много лет вперед. А потом, пока ничего вокруг не происходило, женились и рожали детей. В восьмом прозвучал первый звонок, и все круто поменялось – кто-то потерял работу, а кто-то, как Маркин и Умрихин, подпрыгнул вверх. В десятом Умрихин оказался в западне тех самых семи лет семейной жизни, в которые он до последнего не верил. Что-то должно случиться, произойти, понимаешь, – твердил он Маркину. – на нас все зациклено. Тот устало взмахивал рукой и говорил, что в его жизни уже все произошло – Леночка была послана куда подальше. А потом с раздражением добавлял – все складно у тебя получается, мы, типа, избранные, только вот кто тебе сказал, что все события от нас зависят, просто родились мы так удачно, чуть какой кризис-шмизис, так у нас в жизни что-нибудь происходит, все так живут, и вообще сейчас сплошная жопа вокруг и не изменится она никогда, все, блять, приехали, тупик, даже трахаться уже не охота. Маркин хитро улыбался – но есть у меня один новый проект, вот возьмем его, и весь мир рухнет от зависти, это я гарантирую.

Предчувствие каких-то страшных и внезапных событий ходило рядом. Он стал вытягивать из прошлой жизни приятелей, знакомых, чтобы просто посидеть, принять виски на грудь, и с жаром расспрашивал об их жизни, интересуясь каждой деталью, вскрывая в этих уже чужих располневших мужиков и баб самое сокровенное. Кто-то хотел свалить из страны навсегда, кто-то уже давно удачно воспользовался моментом и уехал от греха подальше. Кто-то искал работу, проедаая жирок докризисных времен. Другие разводились и находили новых подруг, раскапывая старые кладовые – сокурсницы, одноклассницы и коллеги. Бывшие его студенческие подруги вдруг принялись усиленно рожать, предчувствуя исход молодости, а кто не рожал, всюду искали мужей, отдаваясь без зазрения совести случайным знакомым. Почти все суетились в бессмысленном метании в ожидании чего-то большого и не понятного. В эти дни лицо Умрихина горело и дрожали руки то ли от бесконечных возлияний, то ли от напряжения и волнения, сопровождавшие его вылазки в чужие судьбы.

Значит, у тебя предчувствие, – холодно говорил Маркин, разминая в пальцах зажженную сигарету и внимательно всматриваясь в нервное лицо Умрихина. Они сидели в какой-то кафешке на Петровке. Маркин представил Диму, тихо подсевшего к ним за столик мужчину лет пятидесяти с бородой, похожего на состарившегося лаборанта химической лаборатории. Не глядя в глаза он вкрадчивым голосом задавал вопросы, и изредка посматривал на Маркина. У вас есть ощущение, что должно, что-то произойти, – тихо говорил Дима. – А что конкретно, хотя бы приблизительно? Может быть революция или еще один экономический кризис? Умрихин пожимал плечами – что-то витает в воздухе, вы сами не чувствуете? Дима слабо улыбался – да, есть такое, каждое утро просыпаюсь, и чувствую, что что-то должно произойти, только одно дело – относиться к этому как к сюрпризам, которые преподносит нам жизнь, даже, скорее, как к игре, а другое дело – бояться. Вот вы боитесь? Умрихин не знал, что ответить, сейчас все эти предчувствия его просто выбивали из колеи. Знаете что, – говорил Дима, – вам надо немного отдохнуть, в спорт-зал походите, это обычные для вашего возраста тревожные состояния, к тому же усугубленные легким инфантилизмом, я

вам больше скажу, такое наблюдается у каждого второго, вот моя визитка, вы как-нибудь позвоните, мы еще более детально поговорим. Дима также незаметно, как и появился, исчез из поля зрения. На визитке было написано – «Доктор Дима, психотерапевт». Маркин тогда угадав немой вопрос Умрихина, сжал лацканы его пиджака и прошипел со злобой – а чего ты хотел, псих, хорош уже носиться с этим бредом, взрослей уже, не хватало, чтобы ты еще спился, давай уже дурь эту из головы выбивай и за работу, у нас через неделю проект начинается...

Андрей, Андрейчик, живи своей жизнью, – говорила Ольга, когда он с дрожью во всем теле обнимал ее ночью.

V

Все закончила смерть. Вернее, ее прохладное дыхание и близость.

Как будто до того дня ее не существовало совсем, не умерли отец с матерью слишком рано и *не справедливо* от болезни, которая возникает по своей неведомой прихоти, слепо и бесповоротно умножая клетки.

После похорон его, конечно, обдало холодным душем космического бытия, и необратимость смерти, которая могла подло подползти в любой момент, внесла свои поправки в его разброд и шатания, но стала, скорее, ингредиентом в коктейле его переживаний – кто я, что я, зачем это все, а сверху долька лимона – умереть зазя как они.

И попытка пойти войной на Бога в то время, когда гроб с отцом лежал на столе в их поселковом доме, оглушила его своей безысходностью.

Поначалу он легко воспринял смерть отца, наверное, потому, что она была логичным завершением его четырехдневных страданий – частого прерывистого дыхания, отеков по всему телу и невозможности найти удобное положение в постели. Но когда хлопоты по организации похорон прошли, был закуплен самый дорогой гроб – да, во время выбора он хладнокровно думал о том, что обитый красным или синим бархатом гроб выглядит пошло-вато, поэтому выбрали полированный, – когда в доме остались самые близкие, ставшие вдруг одинаково безликими в своих черных кружевных платках и с опухшими от слез глазами, он вышел на войну. Купил маленькую бутылку коньяка в занюханном магазине и, пройдя мимо темной церкви, отправился на поле боя – на пустынную, освещенную единственным фонарем площадку детского сада, укрытую мокрым февральским снегом.

Он вытапывал хаотичные тропинки, и с каждым шагом он требовал ответа на один простой вопрос – за что? И случайные вспышки воспоминаний об отце предьявлялись молчаливому и суровому судье, как доказательства его невиновности. Редкие минуты раздражения на его дурацкие выходки и порка ремнем, немногословность и стеснительная улыбка в таких же редких шумных компаниях и тяга выпить больше, чем полагалось, ну, что еще? Его отстраненность от церковных обрядов, которыми все больше и больше увлекалась мать? Да, за два дня до смерти он скептически и даже как-то виновато поглядывал на молодого попа, проводившего обряд соборования. Неужели для тебя мало того, что люди вокруг отзывались о нем не иначе как «хороший мужик». Что там в заповедях – не убей, не укради, не прелюбодействуй... Он пытался вспомнить еще семь, но так и не смог, попытки честно как на экзамене собраться и дать полный ответ заглушал отчаянный вопрос – как же так? Он с силой пнул по сиденью качелей и ржавые гнутые железяки ответили издевательским скрипом – вот-так, вот-так, вот-так...

И опять тишина. Казалось, он слышал, как подтаивает снег. Он не заметил, как допил коньяк, который нисколько не подействовал – только в горле как будто застряла теплая вата. Долго стоял, глядя в небо и перебирая в голове глупую фразу – он умер, а я жив.

По щекам текли слезы.

На черном небе не было никаких знамений, земля не дрожала, все так же уныло светил фонарь.

Через полгода умерла мать, которая все это время только тем и занималась, что готовилась к смерти – деньги, гроб, ремонт в доме, чтобы на ее похоронах ему *не было стыдно* перед людьми; телевизор, сжирающий тревожное время перед сном. Когда Ольга настойчиво просила позвонить матери, он через силу – а теперь ложечку за маму – набирал ее номер и на все ее вопросы отвечал: все хорошо, нормально, нормально, все по-старому. Она же принималась перечислять, кто еще в поселке умер. В эти полгода он совсем потерял хоть

какие-то чувства к месту, где прошло его детство. Теперь уже он представлял поселок как проклятое место, где пачками мрут от рака, пьянства и усталости жить.

Дом, отделанный по примерам из телепередач о ремонте – похоже, только дизайнерский выпендрёж как единственное реальное чудо преображения трогал мать в последние дни – сдали в аренду каким-то дальним родственникам, которые клялись и божились каждый месяц перечислять пару тысяч, да так и спустили все на тормозах. Однажды только, в конце осени у них в доме появился сумрачный чеченец, не по холодам одетый в старый серый пиджак и растянутые спортивные штаны. От него пахло силосом и солидолом. Он рассказал, что родственники те крупно задолжали ему, что-то около двадцати тысяч долларов, долг отдать не смогли, и он занял их дом. Что он хочет все по-честному, поэтому приехал оформить дом на себя, иначе «они жить не будут». И чтобы совсем по-честному, он отдает настоящим хозяевам лишние, по его справедливым расчетам, две тысячи долларов. Умрихин тогда только подмигнул испуганной Ольге – ну что, поможем бедным родственникам? С тех пор поселок превратился для него в крохотную точку на карте, далеким воспоминанием, не вызывавшим никаких эмоций.

А жарким, вытягивающим из кожи последние остатки влаги летом он вдруг по-настоящему испугался. Смерти отца и матери, на короткое время убедившие его в несокрушимости могучей и непонятной силы, все-таки не покушались на его жизнь. Единственный осмысленный вывод который он сделал – я-то еще живу, а смерть только ходит стороной, и как всякий человек, он представлял, что впереди раскинулась целая вечность, исключаящая вопреки всякой логике саму природу смерти.

Но в то лето вдруг появились странные ощущения – ближе к вечеру поднималась температура, небольшая, но и самая изнуряющая, от которой все вокруг становилось серым и ничего не хотелось делать. Даже все его депрессивные заскоки и метания в эти минуты казались высшим проявлением воли к жизни, но и на это у него не хватало никаких сил.

Ну, вот и все, приехали, – думал он. Первые признаки болезни он знал слишком хорошо, чтобы без утайки посмотреть себе в глаза и признаться в самом страшном. Подавленность, беспричинное повышение температуры, увеличенные лимфоузлы – конечно же и они обнаружили, упругие шарики на шее – все это он вычитал из интернета, когда поставили диагноз его отцу.

Что мы имеем? Этим торопливым вопросом он отбивался от страха, который накатывал на него по вечерам вместе с красной полоской в медицинском термометре. Нереализованные, сука, возможности и таланты? Какие, нахрен, возможности и таланты. Десять лет коту под хвост, посуетился, попрыгал в ожидании чего-то. А чего? Да того самого, – с подленьким смешком шептал голос внутри, – того самого и дождался, идиот. Любишь жизнь, как люблю ее я? – твердил голос.

Так, так, так, что мы имеем? – повторял он снова.

Все шло своим чередом, всем, конечно, плевать на то, что ты вот-вот умрешь. Людям, толкающимся на платформе, электричкам с невидимыми машинистами внутри, таджикам на вокзале, коллегам на работе, машинам, посидельцам в кафе, и официантам.

Оставались Ольга и Саша. Искусный художник, хорошо устроившийся в голове, как будто ждал этой отмашки – рисовал реальные картинки: денег не хватает, Саша донашивает чужую одежду, приходится отказываться от почти ежемесячных фотографий с классом – хватит и одной с первого сентября, к Ольге подкатывают мутные личности, пережившие развод, мечтающие построить новую совместную жизнь с молодой вдовой, а когда подрастает смазливая падчерица, протягивающие к ней свои прокуренные пальцы.

Да, умирать в одиночестве не страшно, интересно даже. Вот только если ты не один – смерть превращается в мучение.

Он все-таки собрался с духом и пошел сдаваться, надев чистую белую футболку – вот он, я, но особо не ободряйтесь, если что, я весь мир разнесу в щепки. Только сонных врачей этим было не пронять. Терапевт, хирург, инфекционист, онколог равнодушно выслушивали его рассказ о близкой кончине и предсказуемо направляли его на анализы. С серыми бумажками направлений он еще несколько дней не решался расставаться. Он ощущал себя как в том первом полете, когда вцепившись в подлокотники, он молил о благополучном приземлении и внушал себе, что если все пройдет хорошо, то он наконец-то откроет свое бюро, заработает кучу денег, не будет бояться вообще ничего, потому что живем один раз и кроме жизни нечего терять. И сейчас он твердил те же установки, в нем проснулась задорная злость. Сидя в кафе, он выпивал рюмку водку – почему-то в эти дни ему хотелось хлестать противный разбавленный спирт – оглядывал окружающих ликующим взглядом, отмечая самых красивых женщин; в штанах разбухало и он представлял, как хватает их за кобылки задницы и укладывает их всех разом в постель. Нечего бояться. И пусть даже моча и кровь скажут свое веское слово против его ущербной умрихинской жизни – по барабану, будет еще время заработать деньги и позаботиться об Ольге и Саше.

В день сдачи анализов он как будто завис на самой высшей точке, сидя в том самом самолете, ощущая ледяную пустоту внутри – завтра или приземлится вдребезги или мягко сядет на шершавый бетон, выкинув из головы всю дурь.

Долго бродил по улицам в районе Таганки, рассматривая витрины магазинчиков, вливаясь в поток толпы на тротуарах или наоборот, резко меняя направление, шел навстречу, сталкиваясь плечами с прохожими. Так он оказался возле монастыря. У входа толпились женщины в нахлобученных по случаю платках. Они выглядели так, будто, загуляв ночью на стороне, возвращались к ревнивому мужу.

Он вошел в монастырский двор и почувствовал, как наливаются кровью его руки – такое с ним случалось с самого детства, когда он приближался к церковным постройкам, ладони его опухали, покрываясь белыми и розовыми пятнами.

От входа в церковь хвостом исходила длинная молчаливая очередь, каждый хотел приклониться к мощам святой Матрены. Он вспомнил, как приходил сюда вместе с матерью, которая приезжала к *Матренушке*, нарушая его убогий общажный режим. Она смиренно вставала в очередь и, замечая его раздражение, просила, чтобы он уже ехал к себе, но Умрихин все равно оставался рядом, потому что ни в чем не хотел соглашаться с матерью.

Он сидел на скамейке и смотрел на купола. Пытался подобрать слова – молитву-не молитву, чтобы хоть как-то почувствовать причастность ко всей этой умиротворенности, и не смог, выходила какая-то ерунда – вот он я, а вот Ты, так, что мы имеем...

Из вязкой темноты, сквозь стекла арочных окон пробивались мелкие огоньки свечей.

Анализы сказали – все путем, хрен с тобой, живи. Врачи махнули рукой на очередного параноика, поставив «неясную этиологию», и Умрихин принял это с усмешкой победителя.

VI

После перенесенного страха Умрихин ожил.

Теперь каждое утро дорогие вещи собирали его сознание по кусочкам и упорядочивали мысли. Перед уходом на работу он смотрелся в зеркало и подмигивал себе со странной улыбкой, которая раньше показалась бы ему зловещей.

Они с Ольгой, наконец, решили купить квартиру. Он скрылся в городке для миллионеров, а у Ольги появились новые приятные занятия – выбор подходящего варианта и продажа их собственной однушки.

Постепенно Умрихин научился жить на высоких оборотах – с утра спортзал, работа в офисе до девяти, иногда часовые посиделки в кафе, дорога домой и мертвый сон. За день он перебрасывался несколькими словами с Ольгой и с Сашей – как дела, что нового – на выходных отсыпался и выслушивал предложения по квартирам, которые зачитывала Ольга.

Первой неладное почувствовала Саша. Когда в редкие минуты Умрихин раскидывал руки, приглашая ее запрыгнуть на него, она отступала в нерешительности и тревожно поглядывала на Ольгу. Она уже не спрашивала, когда у него наступит выходной, потому что в последнее время каждый день они ходили гулять в парк только с мамой.

Однажды утром Ольга объявила, что наконец-то нашла подходящую квартиру. На Аэропорте в только что построенном жилом комплексе. Умрихин согласно покачал головой и пробормотал, что знает людей, которые разрабатывали этот проект. Он с самого начала не вникал в выбор Ольги, и ей это нравилось – наконец, что-то она делала сама от начала до конца, не выслушивая придирки и поучения Умрихина.

На следующий день они уже мчались по трассе в Софрино, к тетке Ольги.

Когда Ольга отводила Сашу к бабушке, Умрихин сидел в машине – с теткой, вырастившей сироту Ольгу, он ни разу, даже *для приличия* не поговорил.

По пути на Аэропорт Ольга без остановки рассказывала о том, какой ремонт она делает в новой квартире – большая розовая комната, оранжевая детская, голубая спальня, непременно настоящий дубовый паркет и стеклопакеты с деревянными окнами для вентиляции воздуха – делала расчеты расходов на весь ремонт, высчитывала ежемесячные платежи по кредиту – получалось около трех тысяч долларов – и вспоминала тесную жизнь в их старой квартире.

Комплекс уже почти был достроен, в кое-каких квартирах оставалось доложить только межкомнатные перегородки и остеклить окна. Когда они зашли в свою будущую квартиру, Ольга закружилась среди этих безликих серых бетонных плит. Умрихин в первый раз за все утро улыбнулся, вспомнив ту, прежнюю Ольгу, с которой познакомился восемь лет назад. Все хорошо, Ольга. Все идет по плану. Все, о чем мы мечтали, сбывается. Главное, захотеть и взять, что тебе полагается, и не думать о том, что кто-то остается обездоленным. Вселенная большая, Ольга, на всех хватит.

Нравится? – спросила она тогда, и Умрихин кивнул в ответ.

А потом был банк, где молодой краснощекий, в сущности, пацан еще, оформил им ипотеку на двадцать пять лет. Через полгода можно было въезжать, загодя впуслав туда рабочих для чистовой отделки.

Они сидели в кафе, в первый раз за последние два года вдвоем, без Саши или знакомых. Суетились, пытаясь поудобнее расположить две большие прямоугольные тарелки с цезарем, пузатый белый чайник и две чашки на квадратных блюдах. Умрихин решил налить чай в чашки, и снова пришлось раздвигать эту геометрическую западню. Ольга выговорила в дороге, а Умрихин вспоминал последние дни, чтобы хоть что-то рассказать, но самым занимательным в голове были только эти посудины. Он чувствовал себя как на первом сви-

дании, боясь ляпнуть общие фразы, чтобы не показаться полным идиотом. Заметил, что и Ольга от неловкости разглядывала интерьер, медленно пережевывая, и стараясь не смотреть в его глаза.

Что-то сердце у меня в последнее время... – сказал он, и подумал, что, наверное, от таких вот вынужденных признаний, которые случайно выскакивают в обычной беседе, и наступает старость.

Ольга приложила руку к своей груди – может, хватит уже с работой, может, в больницу.

Умрихин отмахнулся, прикусив губу, – все-таки ляпнул – и снова они принялись поедать салат, который предательски стремительно исчезал из тарелки.

А еще этот молчаливый мобильник. Он никогда не мог дозвониться до нее с первого раза. И дозваниваясь с четвертого раза, он орал в трубку, забыв обо всем, что хотел ей сказать – если ты не слышишь, сделай сигнал на максимальную громкость, носи его всегда в руках. Однажды он не мог дозвониться целый день, и когда она пришла из магазинов, он схватил ее мобильник и с силой швырнул его в стену, а она с жалостью собирала осколки, и с удивлением смотрела на неказистые внутренности телефона, которые скрывала глянцевая панель.

А еще уборка. Ему вдруг стало бросаться в глаза, что не так стоит обувь в прихожей или на кухонном столе остались мокрые разводы от тряпки, что не может найти домашние тапки и на полках в ванной лежит искривленный, выжатый до конца тубик из-под зубной пасты. И приходя домой даже в отличном настроении, он замечал, что его взгляд блуждает по единственной комнате в поисках беспорядка. И на его усталые упреки Ольга отвечала – значит я такая, и не смогу убираться лучше, и добавляла, что ничего не изменится. А он срывался на крик, как будто это могло ее изменить. И вообще, – говорила она, – я жду не дождусь, когда мы уедем отсюда. И что, что, – орал он, – разве это что-то изменит...

А еще эти долбанные воротнички рубашек. У нее никогда не получалось их отгладить, и почти всегда, надевая чистую рубашку, он бился и истерике – ну почему, почему ты не можешь их отгладить. И Ольга пыталась объяснить, что в этот раз она тщательно отпаривала и с силой водила утюгом, и что воротничок идеальный, а он подскакивал к окну, и при свете показывал – ну вот же, вот, неужели ты не видишь. И в глазах Ольги набухали слезы. Это повторялось изо дня в день, и как-то он сказал, что рубашки будет гладить сам или отдавать в химчистку с полным набором услуг, а она ответила – если я не буду вставать раньше тебя, готовить завтрак и гладить рубашки, тогда нас перестанет хоть что-то связывать. И он тогда несколько дней не разговаривал с ней, оставив за ней прежние обязательства.

Она стала все чаще уезжать к тетке на неделю, а то и на месяц под предлогом, что Саше там лучше, там больше квартира и у нее там есть ровесницы-подруги. И когда он оставался один, то звонил ей каждый день – странно, но в эти дни он дозванивался с первого раза – они не могли наговориться, и он, вспоминая свои бешеные пляски, чувствовал себя полным уродом. И когда он заканчивал разговор, и в трубке наступала тишина, ему хотелось биться головой об стену от стыда, от того, что и в этот раз не произнес простые слова – прости, прости, я дурак...

Черт с ней, с любовью, думал он. Да и кто его знает, что это такое, и как ее определить. Как будто взяли веер с образцами тысяч цветов и оттенков и сказали – все это красный цвет. Когда он оставался один, он пытался, но не мог понять, почему он не хочет уйти от нее навсегда. Вот же он, совершенно один, иди на улицу, лови взгляды и начинай новую жизнь, обживайся с новой женщиной – но даже представить себе этого не мог.

Когда пришло время переезда, Ольга взяла все хлопоты на себя – наняла бригаду молчаливых молдаван, выезжала вместе с ними за материалами и тщательно, по нескольку раз в неделю подбивала расходы.

Раз в три дня рубашки отправлялись в химчистку и возвращались чистыми, с безупречными воротничками. На звонки Ольга отвечала с первого раза, потому что она держала связь с рабочими, которых она приучила звонить по малейшему поводу, а вопрос уборки был наглухо завален коробками с книгами и горой всякого тряпья, выросшей после продажи стенки.

После полутора месяцев работ молдаване, так же молча, как и появились, ушли, оставив во всей квартире ровные белые стены и гладкий, по уровню моря, потолок. Красить и клеить обои Ольга взялась сама. Расправившись с детской комнатой, семья Умрихиных окончательно переехали в новую квартиру.

И постепенно с новой мебелью, с еще большим оживлением большого пространства – три комнаты с двумя лоджиями – обживались старые упреки и мелочное раздражение.

VII

Умрихин не чувствовал скорости, и только когда Ольга, бросала взгляд на спидометр, он оттягивал ступню от педали газа. Они не разговаривали, и Саша, сидевшая на заднем сидении, крепко-накрепко перетянутая ремнем безопасности, была погружена в игру на айфоне.

Утром, закончив с приготовлением большой кастрюли супа Ольга сказала, что она с Сашей уезжает к тетке. Это единственное за все утро обращение к нему насторожило Умрихина. Ее голос был уверенным и холодным, и не было в ее словах той усталости, с которой она произносила эту фразу раньше и которую можно было перевести как – нужно сделать перерыв на недельку-две, иначе мы окончательно превратим нашу жизнь в ад. Теперь же эти обычные три слова казались Умрихину глубокой расстроившейся трещиной, и он хотел произнести хоть что-то, как будто он мог заговорить ее и остановить ее ломаное движение. Но захныкала Саша – ты обещала в аквапарк, мы что, опять не поедем, ты же обещала, я хочу в аквапа-а-а-арк. Поедем, поедem, прямо сейчас, беги собирайся – пробормотал Умрихин.

– Так ничего и не скажешь? – осторожно начал он, не отрывая взгляда от дороги.

Ольга, как будто разом потеряв все силы, прислонилась головой к стеклу и рассматривала кляксу от мошки на лобовом стекле.

– А что говорить? – глухо отозвалась она.

Умрихин снова сбавил скорость.

– Когда вы вернетесь?

– Я не знаю. Побудем у бабушки, а там видно будет, – тихо ответила Ольга.

– Все так плохо? Если ты из-за... – Умрихин запнулся, пытаясь вспомнить последние разборки, но так и не подобрал слова, сглотнув ком в горле.

– Из-за... – задумчиво произнесла Ольга. – Какая разница из-за чего. Что-то все у нас, Андрей, совсем все плохо. Я вчера ночью лежу и думаю, придешь ты, не придешь, без разницы, как будто нет тебя и все. С любовницей ты, на работе – вот все-равно... Думала, в квартиру новую переедем, все по-другому будет. Не-а, все по-старому. Еще ремонт этот затеяла, дура...

– Я же говорил, молдаван надо было оставить. Теперь сама нервы на этом ремонте...

– Какое-то все не настоящее. Как будто отрабатываем. Пришел, поел, поорал и спать. Саша тебя только ждет, кода папа придет, когда папа придет, а папа пришел, хоть бы узнал, что она нарисовала, сама уже боится тебе подходить.

– Слушай, меня самого уже эта работа достала. Теперь еще с ипотекой этой не рыпнешься ни куда.

– Еще вспоминала, как ты с матерью своей разговаривал по телефону – нормально, нормально, даже не поговоришь с ней. Я тогда подумала еще, если ты со мной так же будешь... Это твое – нормально, нормально... То все...

Ольга заплакала.

– Мам, когда мы уже в аквапарк приедем? – захныкала Саша.

Умрихин посмотрел в зеркало заднего вида.

– Скоро, малыш, почти приехали, – сказал он и выдал педаль газа.

Вдалеке на обочине их уже ждали. Гаишник лениво взмахнул полосатой палочкой, и Умрихин стал прерывисто притормаживать.

Подтянутый, но уже с легким жирком на животе, молодой гаишник неторопливо подошел к остановившейся машине. Он с усмешкой, шевеля губами, прочел слово «козел» на левой дверце и мелким движением отдал честь.

– Добрый день. Капитан, Поваров. Пожалуйста, права, техпаспорт и страховочку заодно.

Умрихин передал через окно документы и крепко сжал руль, как будто хотел уже сорваться с места.

– Превышение скорости, господин Умрихина. Возражения есть?

– Сколько с меня? – тихо произнес Умрихин.

Гаишник, встав позу самбиста, чуть приосанившись, заглянул в окошко.

– Здрасте, – сказал Ольге, но она даже не посмотрела на него, вытирая глаза платком.

Гаишник довольно присвистнул.

– О, знакомые ароматы.

– Это со вчерашнего, – сказал Умрихин.

Он уже расслабился, и был даже рад этой вынужденной остановке. Им как раз этого не хватало в последнее время, вот так вот остановиться по чужой воле. Да и место было подходящее – на пыльной дороге с окаменевшими окурками по краям, на нейтральной территории.

– Так, мы пешком дойдем. Саша, выходи. И рюкзак возьми. Андрей открой багажник, – уверенно, вмиг поборов душившие ее слезы, распорядилась Ольга.

Умрихин смущаясь, сказал:

– Капитан, жену с ребенком отвезу в аква-парк и назад. Вон он... Хорошо?

– Нет, мы пешком! – громко сказала Ольга. Она нашла в сумочке солнечные очки и точным движением вставила их в волосы, чуть выше лба.

Гаишник прищурился и серьезно посмотрел на Умрихина, оценивая обстановку, потом на Ольгу и Сашу. Он махнул ладонью в сторону аквапарка.

Потом уже Умрихин будет вспоминать эту широкую, размеченную белыми косыми полосами, парковку. Ослеплявшее его сентябрьское, прохладно-жаркое солнце, и две фигуры, отдалявшиеся от него к невысокому заданию с прогнутым бетонным диском крыши. Ольга шла быстро, крепко схватив руку Саши, которая шла с короткими пробежками и вытягивая тонкие ноги, стараясь попасть в такт широких маминых шагов. Всего один раз Саша оглянулась и помахала рукой.

Капитан сидел за рулем своего форда, с установленным на крыше стеклянным бруском проблесковых маячков. Он поглядывал на показатели в трубке и заполнял протокол. На сидении рядом, запрокинув голову и открыв рот спал его напарник с почерневшим от загара лицом.

– Вот всегда же хорошо, когда с людьми по-хорошему – довольно говорил гаишник. – Я ж вижу, супруга ваша расстроилась. Зачем людей еще обижать. И вам оно не надо, скрываться с места, так сказать, административного правонарушения. Я ж вижу, человек порядочный, интеллигентный.

Он снова сосредоточился на протоколе, что-то подсчитывая в уме.

– Видимо хорошо вы вчера посидели, господин Умрихин, – сказал гаишник. – Не намного норму превысили, но... сам понимаешь, отпустить не могу. У нас сейчас месячник борьбы с коррупцией, эсбэ лютует.

Гаишник толкнул напарника:

– Да, Коль?

Напарник, очухавшись, устремил заспанные глаза вдаль, на шайбу аквапарка.

Умрихин набирал номер Вани на своем айфоне. Ему уже хотелось поскорее закончить всю эту канитель, и отправиться в кафе отмечать свое предстоящее – на полгода-год – бесправие.

– Может, и к лучшему. – сказал он. – И зима скоро... Только на штраф-стоянку не надо. Я помощника вызову.

– Да без проблем, – резво отозвался гаишник. – Вот все бы такие понятливые были. А то как скажешь, что права отберут, так начинается концерт. Да я туда, да я сюда, этому позвоню, тому пожалуюсь. Глаза стеклянные, лыка не вяжет, а все-равно туда же. А че, туда-сюда, говорю, сейчас сядешь за руль, бабку собьешь какую-нибудь, и гуляй Вася.

Капитан разошелся, забыв о протоколе, а Умрихин не решался нажать кнопку вызова на телефоне и делал вид, что слушает, в благодарность за то, что тот доверился и отпустил до аквапарка.

– А мне тоже рисковать на кой? Недавно придурки одни из соседнего округа давай такого разводить на тыщу баксов. Домой к нему в какие-то ебеня поехали за кредиткой, потом с этой кредиткой полночи банкомат искали. И что в итоге. Этот пассажир от начала до конца всю эту процессию на камеру – опа! Здравия желаю, товарищи, приехали. Служба собственной безопасности. По многочисленным просьбам рядовых граждан просим вас на два годика в спецколонию... Вот и думай после этого...

– Ебааааать... – послышался сдавленный стон с соседнего кресла.

До Умрихана донесся странный шум, как будто тысячи мешков с цементом рухнули разом на землю, как по команде разом и на разные лады заулюлюкали сигнализации машин. Там, вдалеке, вместо аквапарка стояло густое серое облако.

Уже потом память обрывками выдавала безумную гонку среди застывших в изумлении автомобилей на трассе; бег в гуще людских тел, могучей волной несшейся ему навстречу, и сшибающие с ног, методичные, закладывавшие уши удары крови в затылке, и вялость в ногах; его замешательство при виде осевшей плиты крыши, и капитана-гаишника, оравшего на напарника, который повис на локтях Умрихина; и как он выкрикивал два женских имени, и пытался разглядеть их среди кровавых тел, лежащих возле кусков бетона, и как стоял у коридора оцепления, получая удары локтем от людей в темно-синей форме, пытаясь разглядеть знакомые черты под серыми простынями на проносившихся мимо носилках. А потом эти бесконечные секунды, в больничном коридоре, проносящиеся мимо белые тени, протянутая из темноты рука с ваткой и выстрелившим в нос нашатырем, и чей-то добрый-добрый голос со словами, которые он ждал все эти мгновения, проваливаясь в черноту и возвращаясь обратно на землю, – не волнуйся, все хорошо, они будут жить...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Лошманова разбудил писк мобильного. Он хмуро посмотрел в окно – щетинистое апрельское утро также хмуро посмотрело на него своими черными облаками.

Звонила дежурка. Металлический голос сообщил, что за ним выехал служебный автомобиль, через двадцать минут будет.

– Мать! – кашлем вырвалось из легких.

Дежурка не учла, что машина опоздает на шесть минут, поэтому Лошманову пришлось выкурить сигарету, замерзая возле своего подъезда. Не учли еще, что машина будет не служебной, а самой что ни на есть серебристой ауди-а-шесть.

За рулем сидел его напарник – Леша, тридцатилетний раздолбай, у которого на душе всегда цвело. Лошманов молча осмотрел его наряд и покачал головой. На Леше была обтягивающая футболка, джинсы с прорывшами, а на заднем сиденье валялся короткий пиджачок с продольными белыми жилками-полосками.

– Ну, а че, – сказал Леша, – меня из клубешника вырвали. Но, Роман Сергеич, я не пил, ну коктейль один и все.

– Что там случилось? – сухо спросил Лошманов.

– Жесть, Роман Сергеич. Опять здание – того.

Лошманов, ладонью сжал лицо, и провел ее до кадыка, как будто сняв резиновую маску.

Подробности уже можно было не узнавать. Ближайшие дни уже вырисовывались по заданному неизвестно кем сценарию – опять причина неизвестна, опять Генерал орет, метая изо рта бисеринки слюны, опять, двадцать пять, звонки со всевозможных верхов, как будто в стране не одна вершина, а сто пятьдесят, и каждый царь горы.

Лошманов закурил.

– Ну Роман Сергеич – недовольно протянул Леша, глядя на сигарету.

– Твоя машина используется для оперативных целей. – сказал Лошманов и для большей убедительности посоветовал: – Елочку надо вешать.

Они въехали в узкий переулок, неподалеку от Павелецкого вокзала, и намертво встали метров за двести от руин, чуть не въехав в толпу скучающих репортеров, которые топтались около желто-красной ленты. Лошманов приказал Леше сидеть в машине и не позорить контору своим видом.

От здания сохранились только боковые стены и заваленные перекрытия, которые раньше отделяли первые пять этажей. На карточной куче бетонных плит лежали покореженные железные балки, и месиво из офисной техники и дээспешной мебели, густо посыпанное стеклянными осколками.

Разруха покрывалась желтоватым светом четырех мощных прожекторов, поэтому издали могло показаться, что здесь снимается кино.

Собрались все те же: высокие парни с автоматами и желтыми буквами на спине «ФСБ», парни поменьше в зеленых бесформенных ветровках – саперы, серые парни с животами, темно-синие парни – мчс и охристые, похожие на сталеваров, пожарные. Среди людей в штатском Лошманов опознал своих «террористов» и соседских «экономистов», прокурорских и бондианистых людей из фэсэо. Поодаль от ведомственного столпотворения кучкой стояли высшие чины и мэр с охраной. Этим-то можно было уже и не приезжать, – подумал Лошманов. Он подошел к фургончику саперов, и пожал руку командиру со шрамом на шее, который его узнал и, заранее угадав вопрос, покачал головой:

– Не-а...

«Террористы» тоже пожимали плечами и курили. Пальцы их дрожали, как будто это они успели выбежать из рухнувшего бизнес-центра, а не те двое охранников, которые сидели сейчас на носилках у машины скорой помощи и отмахивались от назойливых медиков, отказываясь ехать с ними.

Но никто из террор-отдела, ни тем более Лошманов, спастись уже не мог. Это было третье за последние три месяца обрушение здания. И никто не при делах. На инженеров можно было повесить прошлогодний аквапарк, но эти три здания не лезли ни в какие ворота, это уже мало походило на случайность или ошибку в проектировании. Ни подрыва, ни подводных рек, ни резонанса, ни усталости несущих балок – все здания не старше пяти лет, – ни-че-го, за что можно было зацепиться. Они просто складывались, с каждым разом нагнетая ужас неизвестности.

– Вот так вот Роман, – послышался за спиной тихий голос.

Лошманов даже вздрогнул, когда узнал в этом лысом старике с выглядывающей из расстегнутой белой рубашки морщинистой шеей, но с еще крепкий телом, Генерала.

Он смотрел на подсвеченные прожекторами развалины каким-то потерянным взглядом.

– Вот такие вот дела, Роман. Сорок пять лет на службе, а о таком даже подумать не мог. Тебе же сорок уже. Вот ты родился, а я уже по командировкам. Ангола, Комбоджа, Афганистан... Там все понятно было... А сейчас черт его знает, что творится. И главное, вокруг-то все так же, как будто все нормально... Скоро деревья позеленеют... Воон, солнце уже встает... Хороший денек будет... Опять ничего – в курсе уже?

Лошманов кивнул и сказал про себя – сдал, старик.

– Наше дело, Роман, на страже государства стоять, а получается... – Генерал печально усмехнулся, – а получается, что и стоять-то не за что, само валится. Но у нас, Роман, сейчас задача посложнее, сейчас нам расслабляться никак нельзя. Пойдем-ка со мной.

Нет, не сдал старик, схватил ее клешнями рябых рук за локоть так, что ни рыпнуться. Он подвел его к группе ответственных товарищей. Здесь уже выступал длинный, со стертым лицом мэр, отбрыкиваясь от заявления перед прессой.

– ...что я им скажу? У вас есть хоть что-то? – еле сдерживая себя, спрашивал он плотного начальника гувэдэ. Тот, не глядя в глаза мэру, выхватывал бумаги, которые ему протягивали справа и слева услужливые помощники.

– Вот, Роман, по твою душу, – сказал Генерал, отпустив локоть.

Теперь под локоть, уже мягче, едва касаясь, его взял невысокий тип с зализанными волосами на лысеющей голове и с золотыми очками на носу. Он отвел его подальше от чинной компании – «Геннадий Алексеевич, мы не исключаем версии теракта...» – к черному мерседесу, у которого стояли два робота в черных костюмах и проводками за ушами.

– Я вот хотел бы поинтересоваться насчет Магомедова. Он же у вас в разработке? – осторожно начал тип.

– А вас как, простите? – спросил Лошманов, чувствуя, как внутри его начинает закипать раздражение, обычное при таких мутных беседах с деятелями «оттуда».

– О, извините, меня Олег Иванович. Мы сегодня уже говорили с генералом, и он посоветовал поговорить с вами... Знаете почему? Потому что, говорит, вы его преемник. Да! Так и сказал. Так что можно заранее поздравить. Он со дня на день – на пенсию. А вы наверное не знали. На то она и контора... Кстати, это общая беда. У нас там, – тип дернул носом вверх, – все то же, держатся до последнего, кому дела предавать – до конца никогда не известно... лишнего шума боятся. В администрации гаданиями с утра до вечера занимаются...

– Я слушаю.

- Так вот, Магомедов... Его же взяли в разработку по организации ячейки?
- Ну вы же все прекрасно знаете. – сказал Лошманов, улыбнувшись.
- Я не знаю деталей, вот хотел из первых рук, так сказать.
- Ну, а какие там детали. Собирались на автосервисе, он там работал, изучали ислам.

Там, скорее, брат его интересен...

- Правая рука Умарова... – вставил тип.
- ...он в лесу сейчас. По прослушке – ноль, оружия не было, на допросах молчит.
- А вот пусть не молчит, – обрадовался тип.

Лошманов прищурился и с опаской – ой-ё, куда клоним – как будто делая внушение, сказал:

- Мы проводим соответствующую работу.
- Вы же понимаете, что это, – тип кивнул в сторону развалин – последняя капля. Вот поэтому я и интересуюсь деталями. Может быть, что-то есть, что-то Магомедов, все-таки скажет...

Они замолчали на минуту. Лошманов напирал на него взглядом, а тип отбивался, совершая резкие удары под дых своей едва заметной ухмылкой в уголках губ. Они умело обошлись без слов.

II

Дорогу уже освободили от завалов, когда майбах Даренко медленно вползал на площадку, расположенную напротив бывшего бизнес-центра.

Даренко с восхищением смотрел в окно, и методично хлопал своей лапой по колену длинноногой выходной жены.

– А, нет, ну ты посмотри, какая красота. Светк, ну ты глянь!

Света взмахнула длинными черными волосами и с безразличным видом отпила минералку из маленькой бутылки.

– Сереж, тебе правда не жалко? – спросила Света.

– О чем ты говоришь, это же настоящее произведение искусства. Это же мощь, это же павший динозавр!

Как только машина остановилась, он с нетерпением выбежал на площадку.

– Ты смотри-смотри, вот его кости, а это голова, а там вон – хвост! А? Пробирает?

– Холодно... – взмолилась она.

Света стояла возле машины в коротком платье и с накинута на плечи короткой серебристой шубкой, переминалась с ноги на ноги, пытаясь найти гармонию между своим совершенством и этой промзоной. Возле завалов сустились телевизионщики, четыре репортера стояли в один ряд и одновременно тараторили в свои камеры. Как заводные игрушки они то и дело оборачивались на место крушения.

С самого раннего утра Даренко уже побывал в главном управлении на допросе – на беседе, как его попросил выражаться следователь – по новому разрушению и бизнес-центру, рухнувшему два месяца назад.

– Смотри-смотри, а это сущие стервятники, – Даренко показал в сторону грейдеров и кранов, которые отщипывали большие куски этого месива и погружали их на камазы.

Вдруг один из репортеров заметил Даренко и кинулся бежать в его сторону – и вот уже вся толпа наперегонки неслась к нему. Даренко широко расставил руки, готовый обхватить всех в охапку.

– Это здание принадлежало вам... У вас есть версии... Кому это выгодно... Вы уже общались... – несло со всех сторон.

– Господа. Да, этот бизнес-центр был построен нашей компанией в прошлом году. Мы же и являемся владельцами. Нет, версий у меня нет. По-моему их нет и у правоохранительных органов.

– Это уже второе ваше здание за три месяца...

– Насчет второго здания, это вы верно подметили... Но нашей компании принадлежат десятки бизнес-центров и зданий по всему городу, поэтому совпадения вполне объяснимы.

– Поделитесь, пожалуйста, личным... Кто ваша очаровательная спутница?

Даренко поиграл желваками, и с тяжелым взглядом произнес:

– Кто не в курсе, здесь погибло восемь охранников, а вам все жаренное подавай.

Он сложил руки крестом – закругляемся – и репортеры также дружно отступили.

Даренко запрокинул голову и долго смотрел на изменчивое весеннее небо.

– А знаешь что? Шоу маст гоу он. Мы устроим настоящую вечеринку, чтобы весь город ходуном ходил, – сказал он, и обернулся. Но Света уже давно сидела в майбахе.

III

Умрихин открыл глаза, повернулся на бок и обхватив Ольгу левой рукой, прижался к ее телу. Он чувствовал ее спокойное дыхание. Ольга обернулась, и не открывая глаз пробормотала:

– Сейчас-сейчас-сейчас... Опять проспала. Что приготовить?

Умрихин улыбнулся – волосы ее мягко покалывали его лицо.

– Лежи, я сам все сделаю.

Ольга промурлыкала что-то невнятное и снова задремала. Умрихин поцеловал ее в плечо и прижался еще сильнее.

– Слушай, можно я на работу не пойду? Возьмешь меня маляром?

Ольга замотала головой. Его рука пробралась к ее груди, и Ольга схватила его ладонь.

– Андрейчик, на работу! – строго сказала она.

– Ну, что я там не видел. Маркин совсем нюх потерял. Понабрал жлобов с рижского. Скукота. Вчера опять бункер заказали. Вот тоже мода пошла. Как будто завтра атомная война... Не, не пойду.

– Не будешь работать, так и будем с одной розовой стеной жить.

Ольга вдруг вскочила и запрыгнула на Умрихина, плотно сжав ногами его бока. Она обхватила своими тонкими пальцами его шею, как будто пыталась его задушить, а он обнял ее, прижимая к себе, и когда его пальцы прошли по бугоркам затянувшейся широкой раны на спине, ослабил хватку, боясь сделать больно.

– Ну что, будешь вставать или нет? Будешь работу работать? – грозно произнесла Ольга.

Умрихин ловко вынырнул из плена, навалился на Ольгу, сжал ее запястья, нейтрализовав ее беспомощные попытки сопротивления.

Умрихин поправлял галстук перед зеркалом в прихожей. Он уже был одет в свои привычные доспехи – серый костюм, короткий черный плащ, скроенный по типу матросских бушлатов и коричневые ботинки на толстой подошве.

Ольга сидела на полу в большой комнате и чистила валик, замоченный со вчерашнего вечера в красном тазике. Вокруг были белые стены, и только одна из них наполовину была закрашена бледно-розовой краской. Умрихин тихо подкрался к ней и сел рядом.

– Может, тебя на свидание пригласить?

– Вот совью гнездышко, тогда и по свиданиям можно. – ответила она, любясь чистым мохнатым валиком. – Но перед этим будет вселенский шопинг. Так что готовься, Андрейчик, скуплю все, что на глаза попадет. Между прочим, я за последние полгода нового ничего не купила. Не удивляйся потом, почему я кофточки за двести долларов покупаю... Ну все, не опаздывай.

Он чмокнул ее в губы и быстрыми шагами направился в детскую. Саша уже сидела в кровати с пультом в руке, перебирая каналы в телевизоре. Ее шею сдавливала жесткая шина кремового цвета.

– Ну вот, уже телевизор, – сказал Умрихин, целуя ее в пробор светло-русых мягких волос.

На экране был взволнованный репортер на фоне развалин, вещавшего об очередном крушении здания – по предварительным данным... ранено... погибших... три основных версии...

Умрихин взял пульт из ее маленьких ладоней и переключил на детский канал с мультфильмами.

– Что сегодня подарить? – спросил он.

- Киндер и змейки мармеладные, – ответила Саша, не отрываясь от экрана.
- Договорились. Телевизор много не смотри. Ну все, я побежал.

Умрихин встал как бегун на старте. Саша улыбнулась, поняв, какую игру он затеял, подняла палец вверх, и выстрелила – «пуф». Умрихин, с шумом выбежал из комнаты.

IV

Умрихин уверенно подошел к высокому бизнес-центру на Войковской, зашел внутрь, раскрыв бумажник с пропуском перед лицом охранника и спустился в цокольный этаж, где располагался центральный офис курьерской компании «Ягуар».

Он поздоровался с Люсей, молодой, изрядно полнеющей с каждым днем девушкой, безвылазно сидевшей на приеме новых заказов. Она как всегда соблазнительно прикусила карандаш и одарила Умрихина томным, в чем она никогда не сомневалась, взглядом.

В раздевалке уже сидела вся его смена, человек пятнадцать – помятые, морщинистые мужики за сорок. Из молодых был только очкарик, студент Коля, подрабатывавший день через два, да заика Паша, которого сюда привела старая мать, в надежде пристроить сына к стабильному заработку.

Сухой мужик с желтым лицом и с выступающей вперед челюстью – Мешков, Мешок – уже проводил политликбез, жестко натягивая на себя зеленые штаны и такую же зеленую в жирных пятнах куртку.

– Что ж это делается-то. Вся страна коту под хвост, не могут, твари, ни с чем справиться. Каждый день то самолет, то пожар, теперь дома взрывают. А эти, толстожопики, сидят и трындят – Мешок, скривил лицо и гадливо произнес – все хорошо, дорогие граждане, жить стало хорошо, жить стало заебись!

Мужики нервно хохотнули, и кто-то подзадорил:

– Не ссы, Мешок, мы в подвале, тут как в бункере, спасемся как-нибудь. Мы тебя первого на руках вынесем.

– А я так, думаю, – сказал низкий и широкий как комод Андреич, – Чечню надо с земель ровнять. Двадцать лет уже ни туда-ни сюда. Деньги бешеные направляют, а в боевиков все больше. Вот пусть бы и боролись там с этими террористами.

– Так не подтвердили же, что это террористы, – тихо пробурчал Коля, который все еще приноравливался к шумному разговору мужиков.

– А что ж это тогда? Зашхрелись, суки, бояться уже людям правду сказать. – снова вступил Мешок. Третий дом уже, сорок человек ни за что ни про что. Сегодня опять по телевизору – основная версия ошибки в проектировании. Так где ж вы, бляди, были когда первый-то дом рухнул, почему не проверили. А потому что денежки уже за бугром, а здесь хоть трава не расти.

– Давай, Мешок, жги, за коммунистов еще не агитировал. – раздалось из дальнего темного угла.

– Смейтесь-смейтесь, – отбивался Мешок, – опять проголосовали за бандитов, вот теперь ждите, пока на вас крыша не рухнет... Все, конец стране.

– Ну и коммунисты твои, те еще, знаешь... – сказал Андреич, застегивая рубашку на самую верхнюю пуговицу.

Мужики выходили по одному в одинаково нелепых форменных куртках и бейсболках с прыгающим ягуаром. Умрихин повесил свои вещи на гвозди в свой металлический шкафчик и закрыл дверцу, как Коля вдруг громко рывкнул:

– Тихо!

Андреич и Мешок недоверчиво посмотрели на студента, а Паша замер, открыв рот.

– Слышите? – прошептал Коля, поводя носом.

Умрихин прислушался. Откуда-то снизу раздавался монотонный с интервалом в минуту писк.

– Мандец... – произнес Андреич, сразу вдруг побледнев.

Мешок усмехнулся зло:

– Холодец. Ментов вызывать надо.

– Бомба? – тихо спросил Коля и слегка присел, готовясь в случае чего лечь на пол.

Вдруг зависшую тишину разорвал упавший стул – Паша, не закрывая рот, с шумом выбежал из раздевалки. И снова писк в тишине.

Умрихин открыл свой шкаф, опять закрыл, словно примеряясь, как лучшее ее закрепить. Звук в это время то затухал, то становился громче.

– У тебя? – выдавил Андреич.

Умрихин пожал плечами и присел, прислушиваясь к писку.

– Стой. – спокойно сказал Мешок. – Давай ментов лучше вызовем. Рванет же сейчас.

На дне его шкафа кучей были свалены запылившиеся туфли из мягкой кожи, ремень с позолоченной бляхой, кожаная папка с бумагами и белые целлофановые пакеты с надписью «Спасибо за покупку!»

Он осторожно приподнял папку и увидел пробивавшийся сквозь пакет свет. Андреич, зажимая паническое желание бежать, быстрым шагом направился к выходу.

Умрихин пошарил на самом дне и вытащил мобильник.

– Мля... – выдохнул Коля, свалившись на скамейку рядом с Мешком.

Андрей нажал на прием вызова.

– Алло, это Андрей Владимирович Умрихин? Алло! – послышался голос из трубки мужской голос.

– Да, я слушаю...

– Ну наконец-то, уже неделю не могу до вас дозвониться. Я из банка «Номинал». Нам нужно срочно встретиться. Предлагаю, завтра на радиальной Маяковской в центре зала. Идет?

– Я... я не знаю... У меня работа.

– Знаем про вашу работу. Предлагаю завтра вечером, в семь часов. Хорошо? До встречи.

– Да... Да... – медленно произнес Умрихин. Он посмотрел на телефон, как будто видел его в первый раз, и только сейчас заметил, как дрожали его пальцы.

V

Когда Умрихин взял пачку путевок, его вызвал Шабанов, хозяин курьерской службы, с вытянутым лицом, на котором складками висели щеки и выдавался большой нос с раздвоенным шариком на конце.

– Ну что, Умрихин, поздравляю тебя! – заявил Шабанов. – Испытательный срок ты прошел, сегодня уже три месяца.

Умрихин кивнул.

– Ты вроде человек серьезный. Странно только, почему ты вдруг в курьеры подался. У тебя, вообще какие планы-то? Ну, в смысле, на работу здесь? – спросил Шабанов, расхаживая по своему крохотному кабинету из угла в угол.

– Планы? – Умрихин задумался. – Работать.

– Ну, у нас, надеюсь?

– Да... Что-то не так? – спросил Умрихин.

– Ну, а вот так вот, по чесноку, – у тебя ж вроде образование инженерное, ну что ты здесь забыл?

Умрихин улыбнулся.

– Инженерное образование уже не пригодится. Курьером для меня пока самое то.

– Пока, – настороженно произнес Шабанов. – А сколько у тебя это пока продлится? Ты говорил, семья у тебя. Хватает зарплаты-то? Или подрабатываешь где?

– Да вы не волнуйтесь, в ближайший год я с вами. А деньги есть, я недавно машину продал, года на полтора хватит вполне.

– Хватит, значит, говоришь... Тут вот какое дело. Нужен мне человек надежный. У нас кроме частных и абонентов еще и спецзаказы бывают. Ну там, знаешь, документы особо секретные, или подарок дорогой. Недавно вот часы настольные перевозили на тридцать тысяч долларов. Прямо скажу, мало кому могу доверить такую перевозку. Иногда сам ездил, ну, а что поделаешь, тут головой отвечаешь. Ты парень серьезный, вижу, что на дурь всякую тебя не подобьешь... Короче, хочу тебя на ответственные задания поставить. Ну и зарплата само собой. У тебя сколько? Двадцать сейчас. Вот будет сорок в месяц, вроде не плохо... А?

– Неплохо, – сказал Умрихин.

– Ну, вот и договорились.

Шабанов с готовностью выложил ключи с массивным брелоком в виде хромированного черепа.

– Машину возьмешь в гараже, номер пятьсот пятьдесят один. Заказ в багажнике. Адрес – Юных ленинцев, дом шесть, строение два. Передашь Владиславу Сергеевичу. Все это нужно отвезти ровно к пяти.

Шабанов в первый раз широко улыбнулся:

– Усек?

Умрихин въехал в длинный коридор, огороженный железобетонными плитами с геометрическими выпуклостями, и сбавил скорость. Он пытался понять логику обозначения адресов по номерам намазанными красками на однообразных железных воротах, но к значениям на предыдущих воротах цифры то вычитались, то прибавлялись в хитроумной прогрессии.

Наконец, он остановился перед шестеркой, деленной на два. Вокруг было пусто и тихо. Он подошел к воротам и постучал. Толстое железо отозвалось приглушенным гулом, который он и сам никогда не слышал, отойди он на несколько шагов. Умрихин три раза пнул ногой, лишь не намного усилив звуки.

Умрихин достал сигарету и вдруг почувствовал за своей спиной дыхание.

– Ягуар? – вкрадчиво спросил мужской голос.

Умрихин от неожиданности не понял вопроса, и хотел повернуть голову, но голос настойчиво посоветовал:

– Не оглядывайся. Да ты расслабься, покури.

Умрихин выдохнул и, прикрыв ладонью огонь, поднес зажигалку к сигарете.

– Ты, это... Посто́й так и покури, мы быстро.

– Мне Владислав Сергеевич нужен, – сказал Умрихин.

Сзади усмехнулись. Голос уже был возле машины:

– Давай, Владислав Сергеич, гони.

Машина сорвалась с места, и снова Умрихин оказался в тишине, которую нарушало только шуршание тлеющей сигареты от глубоких затяжек.

Они появились минут через шесть. Послышались глухие удары дверей. Умрихин постоял перед воротами еще немного, мысленно отсчитав пятьдесят шагов, которые могли сделать эти клиенты, после чего резко развернулся и подошел к машине.

Он открыл багажник. В нем было пусто.

VI

Они сидели за маленьким столиком возле высокого окна, за которым мельтешили спешащие люди и бесшумно проносились машины. За дорогой располагалась площадь, огороженная стендами с рекламными фотографиями перепачканных детей, и над всеми ними возвышался памятник Маяковскому.

Михаил, как он сразу представился, схватив влажными пальцами ладонь Умрихина при встрече, все время вытирал платком капли пота со лба и щек, изрытых давно сошедшими нарывами, и тяжело дышал. Бесформенное жирное тело, обтянутое голубой рубашкой с темно-синими мокрыми пятнами под мышками, было зажато между стулом и столешницей, которая шевелилась от каждого его тяжелого вздоха.

Он говорил тихо и даже, как показалось Умрихину, доброжелательно:

– Вы же видите, что творится вокруг. Все напуганы. Уже никто не знает, что завтра будет. А банки в этом смысле самые пугливые. Вы же понимаете?

Умрихин рассматривал посетителей кафе, которые проходили мимо с красными подносами, забитыми упакованной в разноцветную бумагу едой.

– За новостями не следите? Нет? А зря, вам обязательно нужно следить. Говорят, что кризис надвигается, похлеще всех прошлых. Не кризис, а просто ад. Вот банки и засуетились. У нас их несколько, так вот после последнего взрыва как с цепи сорвались. Малейшая провинность, и все, считайте, что договор расторгнут. Но вам, можно сказать, повезло... Вы меня слышите?

Умрихин кивнул и посмотрел на свои дрожащие пальцы.

– Если вы про задолженность... – сказал он.

– Да если б только в задолженности дело... – вздохнул Михаил и достал из сумки, притулившейся к стулу, черную папку.

– Вот давайте посмотрим договор. Так... – Михаил вытащил из папки толстую стопку бумаг и быстрыми движениями вытащил несколько страниц. – По нему вы обязаны сообщать о смене места работы, семейного положения, адреса, ну и так далее. Мы проверили ваши данные. Вы, оказывается, уже полгода не работаете в Бюро Маркина.

– Да... все верно. – сказал Умрихин, и мышцы под скулами ритмично запульсировали.

– Воот, – как будто обрадовался Михаил. – А с банком вы это не обсудили. Ну что ж вы так, это же ваша квартира, ну и по документам я смотрю, ни у вас, ни у супруги больше недвижимости нет.

Со стороны касс послышался грохот от упавшего пластикового подноса и чей-то короткий испуганный возглас. Мимо их столика пробежала встревоженная уборщица со шваброй.

– Машину вы продали, на вашем счету... – Михаил достал из папки листок с таблицами. – ...так-так-так, двести восемьдесят три тысячи рублей.

– Все-то вы знаете, – усмехнулся Умрихин.

– Ну, а что делать, работа такая, – развел руками Михаил. – Я ж раньше следователем работал, да вот на пенсию досрочно отправили, аттестацию не прошел. Если честно, там приятнее было работать, хоть и грязи до черта. Там цель одна – злодея прищучить. А здесь? Думаете, приятно нормальных людей на чистую воду, так сказать...

Михаил вытер со лба пот и с силой сжал платок, как будто собирался его выжать досуха.

– В общем, так, Андрей Владимирович, банк решил пойти на такие условия. Вы должны вернуть семьдесят тысяч долларов в счет задолженности с процентами и за год вперед. Этого нет в договоре, но зато там есть пункт о нарушениях, на основании которых банк

может выставить квартиру на аукцион уже завтра. Поэтому можно считать, что сейчас банк идет вам навстречу. Вы понимаете?

– Сроки... – выдавил Умрихин из пересохшего рта.

– Месяц, начиная с завтрашнего дня. Вот моя визитка. Как только соберете необходимую сумму, сразу звоните. В любое время, хоть ночью.

– Только одно... Одна просьба, – сказал Умрихин. – жене не говорите.

Михаил кивнул с улыбочкой. Умрихин, прищурившись, глянул в окно – дети все также наивно смотрели со щитов, а памятник потемнел еще больше.

VII

Он знал, что сны имеют обратную перспективу. Об этом он услышал на лекции по сопромату от высокого старика-преподавателя – имени уже и не вспомнит – помнил, что он всегда ходил в одном и том же коричневом вельветовом пиджак с меловыми потертостями на локтях. Как всегда в память врезались вещи, не имевшие отношения к предмету, поэтому и знал, что у сновидения нет привычной последовательности от начала до конца. Картинки выстреливают за доли секунды до пробуждения, выстраиваясь в стройный, чаще всего бредовый сюжет. Его начало – в конце забытья, а конец – в начале осознанного вхождения в реальность, когда отдельные участки мозга уже принимают первые сигналы извне. Потому и истории во сне часто заканчиваются звонком в дверь или сигналом бедствия, переходящим в пронзительное пиликанье будильника, вполне осязаемого, и подчиняющегося линейным законам времени.

Во сне он шел по дороге, закутанной густым туманом, и не понятно было, где он находится и что впереди, но его что-то влекло вдаль, и вот он увидел две стоящие фигуры – одна высокая, а другая поменьше. Он протянул руку, чтобы не столкнуться, и показать, чтобы его не боялись, но вдруг сверху, с водопадным шумом на него обрушился дождь, фигуры растворились, и он закричал, не слыша своего голоса.

Он вскочил с постели, сел на край, тяжело дыша и пытаясь вспомнить лица, или хотя бы отдельные черты – Ольга и Саша? Он оглянулся, но Ольги рядом не было. Он услышал слабое журчание воды, сердце вдруг заходило ходуном, и он выбежал в коридор. Вода лилась в ванной. Он дернул за ручку, дверь не шелохнулась. Ольга, Ольга, – громко позвал он, она не ответила. Он еще раз с силой рванул рукоятку, внутри механизма хрустнуло, и ручка беспомощно повисла, покачиваясь. Он затарабанил по стеклянным вставкам, все сильнее и сильнее, приготовившись уже выбить их, но дверь открылась. Ольга стояла в одних трусах. Из рта торчала зубная щетка, и губы, покрытые белой пеной, застыли в слабой улыбке. В руках ее болтались маленькие черные наушники-бируши.

– Не делай так... больше, – только и смог он выдавить из как будто перетянутого веревкой горла.

– Андрейчик, миленький, – Ольга слегка коснулась его щеки.

Он пил кофе, сидя на кухне под ярким светом единственной стоваттной лампочки, сдавливая кружку дрожащими руками. Ольга в коротком красном халатике бесшумно вошла и села рядом.

– Все хорошо? – спросила она, поглаживая его волосы.

– Хотел дверь выламывать, – сказал он.

– Ну не злись, я же не специально.

– Я в курсе.

– Ты сегодня какой-то не такой пришел.

– Какой не такой?

– Раздраженный какой-то. На работе что-нибудь?

– Да нет, нормально все. Устал, наверное.

– Слушай, а давай на выходных на шашлыки съездим? Сядем в какую-нибудь электричку, и где понравится, выйдем.

– С каких пор ты шашлыки полюбила? – он поморщился.

– Ну просто посидим, купим булок французских, сыра, вина, как на картине... Там пикник еще, забыла чья.

– Моне.

– Ага, я чего-то вспомнила ее, так тепло прямо стало.

– Посмотрим, – сказал он.

В тот вечер он остался один на скамейке возле общаги. Последним сдался Марка, сказав – все, спать – раздавил пластиковый стаканчик с остатками водки и пошел, широко расставляя ноги, на тусклый свет, пробивавшийся из вахтерской кабинки.

В глазах Умрихина кружились деревья, как будто вырезанные из черной бумаги, и он еле сдерживал себя, чтобы не закрыть глаза и не исчезнуть в полной темноте.

Она возникла в тот самый момент, когда он почувствовал под языком кислоту, будто только что съел лимон, и рот наполнился слюной – вот-вот его должно было вырвать.

Не помешаю? – сказала она, и села рядом, закурив тонкую сигарету.

Черт, черт, черт, дебил, – мантрой повторял про себя, – какого хрена ты так нажрался. Он попытался улыбнуться и ответить, но вместо этого только промычал угрюмо, покачивая головой, как пластмассовая собака на торпедо таксиста.

На ней была короткая юбка с серебряным отливом, и он откровенно пялился на ее ноги. Она же не обращала на него внимания, и в отсветах фонарей был виден ее напряженный взгляд, на лбу возникали и разглаживались складки, как будто вела беседу сама с собой – хмурой и нервной отвечала спокойная и расслабленная.

Он резко встал и быстро, стараясь успеть отойти подальше, прошагал в сторону мусорных баков. Его вывернуло, и стало вдруг хорошо, он почувствовал холодок легкого майского ветра.

И первые слова его, когда он вернулся, были – я знаю, где достать траву, пойдем? Она прищурилась насмешливо и сказала – пойдем.

А потом – комната Миши, тихого задротыша-очкарика с вытянутым лошадиным лицом, который приехал из какой-то астраханской рыбацкой деревушки, и в который раз его забубенный рассказ, как он стал счастливым обладателем целого пакета конопли – деревенские друзья прислали обычной почтой, и когда получал бандероль, оттуда просыпалась горсть конопляной шелухи, и как он поспешил уверить почтовых работниц, что это зеленый чай, а им было все равно, и рассказывал это с такой гордостью, что было ясно, что радуется он не пакету с сухой травой, а тем далеким единственным друзьям, которые помнили о нем и ждали на ближайшие каникулы. И она искренне улыбалась его рассказу, и не было в ней той надменности, которая мешала ему раньше просто подойти и заговорить. И пряный, дерущий горло дымок смешался с горячими парами водки, и в голове вдруг просияло, только ноги приклеились к полу. И так они сидели втроем на старом плешивом ковре, время от времени сгибаясь от безудержного смеха, который вызывали самые обычные слова в монотонных мишиных рассказах, до тех пор, пока на востоке не появилась светло-изумрудная полоса. А потом вдруг случилось то, чего он так боялся – память провалилась, и она потом рассказывала, как они завалились в его комнату, и он на полную мощность врубил проигрыватель с пластинкой роллингов, разбудив Марку, который тут же слинял из комнаты как лунатик, закутавшись в одеяло. И как они танцевали вместе, а он пытался перекричать хриплый голос из колонок – давай уедем отсюда, давай уедем, а она смеялась и спрашивала – куда, куда. А ему, похоже, и неважно было куда. В голове уже засело твердое, что отпустить ее он не должен ни в коем случае. И тут на помощь пришел помятый Марка, который организовал поездку за город. Очнулся он уже в электричке, и прислонившись к окну смотрел на нее с идиотской улыбкой и не мог поверить, что она рядом и такая близкая, своя. Они сошли на какой-то потерянной дачной станции по дороге на Питер и чтобы раздобыть поесть направились в единственный магазин. И пока Марка убалтывал продавщицу на бесплатное пропитание в виде завалящейся ржавой банки тушенки или хотя бы хлеба, они вдвоем, сдерживая нервный смех, набирали в пакет картошку из ящика, стоявшего возле прилавка. Ее глаза блеснули от чувства опасности, она кивнула два раза и на третий они выбежали на улицу и долго не могли остановиться, как будто за ними гнались фашисты на мотоциклах. И когда оста-

новились, выбитые из сил, они обнялись, повиснув друг на друге, и он почувствовал, как сильно бьется ее сердце. И после сладкой печеной картошки в только-только зазеленевшем лесу они снова сидели в электричке, уже обнявшись, и он зарывался носом в ее волосы, пахнущие костром и далеким ароматом шампуня с алоэ. И он не хотел ехать в общагу, боясь потерять ее, с какой-то болезненной уверенностью представляя, как они разбредутся по разным комнатам, свалятся в долгий сон и на следующий день забудут все то, что с ними было в эти угорелые сутки. Он потащил ее в центр города, который уже сверкал желтоватым светом фонарей и бил по глазам яркими красками подсвеченной рекламы. Они сидели на краю фонтана, напротив вылизанного макдональдса и целовались распухшими губами до ломоты под скулами.

И снова он провалился, и очнулся в середине следующего дня в своей комнате. Он вышел в пустой коридор. Он чувствовал, что прошлой ночью случилось что-то нехорошее. Он добрался до кухни, из которой несло сырыми картофельными очистками. Там уже были Марка и Миша. Он посмотрел на Марку, и тот отрапортовал с серьезно-сочувствующим взглядом, какой бывает только у хранителей пацанских тайн: с утра на серебристой тойоте уехала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.